

**(ОБРАЩАЕМ ВНИМАНИЕ, ЧТО НЕКОТОРЫЕ ФРАГМЕНТЫ РАБОТЫ ИЗВЛЕЧЕНЫ
ИЗ ДАННОГО ДОКУМЕНТА)**

СОДЕРЖАНИЕ

Реферат	3
Рэферат	4
Essay	5
Введение	6
Глава 1 Историография, источники и методология исследования	8
Глава 2 Переговоры о контроле над вооружениями в период 1955-1970 гг. ...	16
Глава 3 Изменения в динамике переговоров и взаимоотношений между странами от начала 1970-х до середины 1980-х	30
Глава 4 Завершающий этап переговоров между СССР и США в период с середины 1980-х до 1991 года	31
Заключение	32
Список использованной литературы	37

РЕФЕРАТ

Дипломная работа: страниц, 83 использованных источника

Ключевые слова: холодная война, разоружение, конфронтация, переговоры, СССР, США.

Объект исследования – общественные отношения, складывающиеся по вопросу переговоров о контроле над вооружениями между СССР и США в период «холодной войны».

Цель исследования – анализ переговоров о контроле над вооружениями между СССР и США в период «холодной войны» (середина 1950-х - 1991 г.)

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания (индукция, дедукция, анализ, синтез, абстрагирование, классификация (систематизация), аналогия) и частно-научные методы (метод статистического анализа, формально-юридический).

Основной информационной базой исследования стали действующее международное и национальное законодательство, научные труды отечественных и зарубежных ученых, материалы периодической печати, а также личные наблюдения.

Теоретическая значимость исследования заключается в попытке выделить наиболее значимые периоды переговорного процесса СССР и США.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу переговорного процесса во время «холодной войны».

Практическая значимость исследования. Выводы, полученные в результате анализа в настоящей работе, могут использоваться в научных и практических целях.

РЭФЕРАТ

Дыпломная праца: старонак, 83 выкарыстаных крыніц

Ключавыя словы: халодная вайна, раззбраенне, канфрантацыя, перамовы, СССР, ЗША.

Аб'ект даследавання - грамадскія адносіны, якія складваюцца па пытанні перамоваў аб кантролі над узбраеннямі паміж СССР і ЗША ў перыяд «халоднай вайны».

Мэта даследавання - аналіз перамоваў аб кантролі над узбраеннямі паміж СССР і ЗША ў перыяд «халоднай вайны» (сярэдзіна 1950-х - 1991 г.)

Метадалагічную аснову даследавання склалі агульнанавуковыя метады пазнання (індукцыя, дэдукцыя, аналіз, сінтэз, абстрагаванне, класіфікацыя (сістэматызацыя), аналогія) і прыватна-навуковыя метады (метады статыстычнага аналізу, фармальна-юрыдычны).

Асноўнай інфармацыйнай базай даследавання сталі дзеючае міжнароднае і нацыянальнае заканадаўства, навуковыя працы айчынных і замежных вучоных, матэрыялы перыядычнага друку, а таксама асабістыя назіранні.

Тэарэтычная значнасць даследавання заключаецца ў спробе вылучыць найбольш значныя перыяды перагаворнага працэсу СССР і ЗША.

Навуковая навізна даследавання заключаецца ў комплексным падыходзе да аналізу перагаворнага працэсу падчас "халоднай вайны".

Практычная значнасць даследавання. Высновы, атрыманыя ў выніку аналізу ў гэтай рабоце, могуць выкарыстоўвацца ў навуковых і практычных мэтах.

ESSAY

Thesis: pages, 83 sources used

Key words: cold war, disarmament, confrontation, negotiations, USSR, USA.

The object of the study is the social relations emerging on the issue of arms control negotiations between the USSR and the USA during the Cold War.

The purpose of the study is to analyze the negotiations on arms control between the USSR and the USA during the Cold War (mid-1950s - 1991)

The methodological basis of the study was made up of general scientific methods of cognition (induction, deduction, analysis, synthesis, abstraction, classification (systematization), analogy) and private scientific methods (method of statistical analysis, formal legal).

The main information base for the study was the current international and national legislation, scientific works of domestic and foreign scientists, periodical materials, as well as personal observations.

The theoretical significance of the study lies in the attempt to highlight the most significant periods of the negotiation process between the USSR and the USA.

The scientific novelty of the study lies in its comprehensive approach to the analysis of the negotiation process during the Cold War.

Practical significance of the study. The conclusions obtained as a result of the analysis in this work can be used for scientific and practical purposes.

ВВЕДЕНИЕ

После победы стран антигитлеровской коалиции во второй мировой войне расстановка сил на мировой арене сильно изменилась. Так, при поддержке Советского Союза были созданы политические режимы, взявшие курс на строительство социализма во многих восточно-европейских странах.

Ответным шагом ведущих капиталистических стран стала «атомная дипломатия», которую историческая традиция связывает со знаменитой фултонской речью У. Черчилля: «Я верю, - заявил отставной премьер министр Великобритании, - что Советская Россия хочет войны и безграничного распространения своей силы и своих доктрин» [64]. Противостояние двух мировых гигантов и существующих в их орбите государств-сателлитов в значительной степени определяло развитие международных отношений во второй половине XX века. Поэтому рассматриваемый вопрос актуален и в настоящее время, так как позволяет глубже понять особенности советско-американских отношений, которые привели к глобальному противостоянию эпохи «Холодной войны». Её значимость возрастает в связи с характером современных российско-американских отношений, которые многие политологи и политики уже охарактеризовали как начало нового «холодного противостояния»

Вышесказанным объясняется актуальность выбранной темы исследования.

Цель исследования – анализ переговоров о контроле над вооружениями между СССР и США в период «холодной войны» (середина 1950-х - 1991 г.)

В соответствии с целью были поставлены следующие задачи:

- проанализировать историографию, источники и методологию исследования;
- рассмотреть Переговоры о контроле над вооружениями в период 1955-1970 гг.
- определить изменения в динамике переговоров и взаимоотношений между странами от начала 1970-х до середины 1980-х;
- рассмотреть завершающий этап переговоров между СССР и США в период с середины 1980-х до 1991 года.

Объект исследования – общественные отношения, складывающиеся по вопросу переговоров о контроле над вооружениями между СССР и США в период «холодной войны».

Предмет исследования – доктринальные источники, нормативные правовые акты, международные договоры и соглашения по вопросу контроля над вооружениями между СССР и США в период «холодной войны».

Методологическую основу исследования составили общенаучные

методы познания (индукция, дедукция, анализ, синтез, абстрагирование, классификация (систематизация), аналогия) и частно-научные методы (метод статистического анализа, формально-юридический).

Основной информационной базой исследования стали действующее международное и национальное законодательство, научные труды отечественных и зарубежных ученых, материалы периодической печати, а также личные наблюдения.

Теоретическая значимость исследования заключается в попытке выделить наиболее значимые периоды переговорного процесса СССР и США.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу переговорного процесса во время «холодной войны».

Практическая значимость исследования. Выводы, полученные в результате анализа в настоящей работе, могут использоваться в научных и практических целях.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованных источников.

ГЛАВА 1 ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Разоружение является одной из кардинальных проблем новейшего этапа мировой истории. Международные режимы поддержания безопасности, национальное финансирование научно-технических проектов находятся под влиянием фактора наличия ядерного оружия у одних государств и стремления к нему других. Изучение данной проблемы носит междисциплинарный характер, находясь на пересечении всеобщей и отечественной истории, политологии, теории международных отношений и мировой политики, технических и военных наук. Подходы к нему претерпевают закономерные изменения по мере эволюции самого процесса разоружения. Вместе с тем значительный интерес представляет выявление устойчивых направлений отечественной историографии этой проблемы, которые отчетливо видны на современном этапе. В отечественной историографии проблемы ядерного разоружения правомерно выделить три основных направления. Первое из них можно охарактеризовать как историко-институциональное. Основные предметы исследования в нем – состояние национальных экономик, военные доктрины СССР/России и США, влиявшие на процессы разоружения с участием двух ведущих ядерных держав. Исследователи, работающие в русле этого направления, чаще прибегают к сравнительному анализу механизмов принятия решений по разоружению, уделяют большое внимание историческим традициям внешней политики стран, идеологии, роли общественного мнения. В эту группу входят прежде всего историки и политологи-американисты.

Второе направление следует рассматривать как международно-институциональное. Исследователям этого направления, работающим в ведущих академических институтах по вопросам международных отношений безопасности, свойственно внимание к международно-правовым аспектам процесса ядерного разоружения, подчеркивание глобальности этого явления, невозможности сведения его лишь к отношениям России и США, необходимости придания ему многостороннего характера, заинтересованности всех стран в углублении процессов разоружения.

Третье направление уместно назвать военно-институциональным, поскольку приоритет в нем отдается военно-техническим, военно-стратегическим и тактическим вопросам. В значительной степени оно представлено действующими и бывшими военными, техническими экспертами, дипломатами (Академия военных наук, Академия генерального штаба ВС РФ, ДА МИД РФ). Они сосредоточиваются на вопросах безопасности России и эволюции угроз для нее со стороны США и НАТО.

Важным аспектом исследования первого направления является внимание к особенностям руководства процессом ограничения и сокращения вооружений в СССР и США. Если в СССР он находился под централизованным контролем ЦК, который начал сдавать свои позиции лишь в годы перестройки, то в США всегда наблюдалась интенсивная борьба между аппаратом президента и Пентагоном, в то время как государственный департамент часто вставал на сторону последнего. Так, в работе А.Г. Савельева подчеркивается, что происходило постепенное расширение количества ведомств, участвовавших в разработке проектов соглашения с США по ограничению стратегических наступательных вооружений. Если первоначально этим занимались лишь МО и МИД СССР, то к 1969 г. сложилась «Большая пятерка» представителей ЦК КПСС, МИД, МО, КГБ и ВПК [57, с. 21]. А.Г. Савельев подчеркивал, что советское руководство встало на путь разоружения из-за осознания экономических трудностей продолжения гонки вооружений с США [57, с. 9]. Р.Н. Афонин отмечал, что цели США были шире: предотвратить увеличение СССР своего парка тогдашних сверхмощных стратегических ракет класса СС-9, побудить европейских союзников создавать «европейские ядерные силы», способствовать углублению кризиса в советско-китайских отношениях, получить козырь для обвинения Москвы в агрессивном курсе в случае ее отказа [13, с. 57, 58].

Подготовка предложений на переговорах велась МИД и МО, которые передавали вопрос на рассмотрение специальной комиссии

Политбюро ЦК КПСС, откуда проект передавался на рассмотрение ЦК и КГБ, а они, в свою очередь, вносили в него дополнительные замечания. После трудных переговоров по ОСВ-1 (1969–1972) была осознана ошибочность пассивной роли исполнителей, отведенной ведущим ученым, и создана «Малая пятерка» с их участием, что позволило им оказывать влияние на Отдел оборонной промышленности ЦК КПСС [58, с. 36]. В то же время эффективность взаимодействия между членами «пятерок» зачастую зависела от позиции главы военного ведомства. Т.В. Каширина отмечала, что, если министры обороны Р.Я. Малиновский и Д.Ф. Устинов были сторонниками ядерного разоружения, то А.А. Гречко поначалу выступал резко против [37, с. 257, 258]. Впрочем, в случае с Устиновым это во многом объяснялось его стремлением подчинить ракетостроение как отрасль научно-технических проектов и их разработчиков в нем своему личному диктату [72].

В качестве главного отличия в советском и американском подходах к процессам ядерного разоружения отечественные исследователи выделяют приверженность советских дипломатов и военных принципу «одинаковой безопасности» обеих сверхдержав, что подразумевало рациональное

сохранение различий в приоритетах среди «ядерной триады», в то время как США выступали за «равенство» показателей. СССР следовало сохранять ставку на межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) шахтного базирования, что компенсировало отставание по баллистическим ракетам на подводных лодках (БРПЛ) и тяжелым бомбардировщикам (ТБ), оснащенным таким мощным оружием, как крылатые ракеты морского и воздушного базирования (КРМБ/КРВБ). Это также предусматривало соблюдение двустороннего советско-американского Договора по ПРО 1972 г.

Фактический отказ команды М.С. Горбачева от того, чтобы бороться за соблюдение режима «одинаковой безопасности», и переход на американские позиции «равенства» в вооружениях привел к тому, что Договор об уничтожении ракет средней и меньшей дальности (РСМД) 1987 г. и Договор СНВ-1 от 1991 г. серьезно ослабили наступательный потенциал советских/российских стратегических и тактических сил [37, с. 482–485]. В то же время существует и иная точка зрения: например, Р.Н. Афонин указывал, что заключение Договора по РСМД позволило перевести системы контроля над выполнением сокращений на новый уровень, введя инспекции комиссий на местах, а СНВ-1 создал прочные предпосылки для денуклеаризации Украины, Белоруссии и Казахстана [32, с. 71].

Несмотря на это, признается, что для СССР было сложно быстро реагировать на стремительно меняющуюся тактику американских администраций, каждая из которых вырабатывала свою политику в области ядерного разоружения с оглядкой на критику оппозиции в конгрессе, «вьетнамский синдром» и позицию ВПК, представленного частными компаниями. Например, прагматический подход Р. Никсона и его помощника по национальной безопасности Г. Киссинджера был наилучшим с точки зрения Москвы, чего нельзя сказать об «идеалистических» элементах доктрины Дж. Картера и З. Бжезинского, а также Р. Рейгана, использовавших такие методы «шантажа» СССР, как борьба за права человека и провозглашение Стратегической оборонной инициативы (СОИ) соответственно. При этом администрация Картера, несмотря на свою «ультрадемократическую» риторику, осознавала необходимость достижения реального консенсуса с СССР по вопросам вооружений, а рейганизм, напротив, стремился к получению односторонних уступок, опирался на метод «выдавливания» советских интересов из Европы, хотя внешне поддерживал инициативы Кремля [33, с. 332]. С другой стороны, В.О. Рукавишников в своей работе продемонстрировал, что возможности Белого дома были ограничены. Важную роль играл социально-психологический фактор: так, несмотря на успешное создание образа СССР как «империи зла», администрации Рейгана было сложно проводить ревизию результатов

советско-американской «разрядки», достигнутой при Никсоне, из-за движения в пользу замораживания ядерных арсеналов [56, с. 441–445].

Изучение периода после распада СССР, с которым связывается окончание «холодной войны», поставило перед отечественными исследователями новые вопросы. Главный из них, безусловно, состоял в том, чтобы оценить характер российско-американского «стратегического партнерства», которое ценой больших геополитических потерь формировалось в 1990-е гг. В связи с этим В.И. Батюк признавал, что тогда сложился более-менее эффективный диалог по большинству вопросов двусторонних отношений, в том числе по разоружению (программа Нанна-Лугара по финансированию утилизации ядерных арсеналов России), хотя это и не останавливало американское стремление к гегемонии [17, с. 104-105].

Как указывала Т.А. Шаклеина, постепенно в среде американской политической элиты от обеих партий, но особенно отчетливо у республиканских неоконсерваторов, сложилось представление о слабости России, которая лишает ее права на то, чтобы США придерживались данных СССР обещаний [71, с. 213-214]. С другой стороны, у подобных умонастроений могла быть оборотная сторона, о чем писал известный американист А.И. Уткин: «... Чем слабее Россия – парадокс истории, – тем больше вероятность такого чудовищного поворота событий (нанесение ядерного удара по США – А.М.). Демократизация и обнищание, отступление и игнорирование переводят этот страшный поворот событий из категории практически невероятных в категорию ядерного Пирл-Харбора, уже реальный опыт» [63, с. 415].

Возможно, в данном случае на суждениях автора сказалась дезориентация российского академического сообщества в начале XXI в. Немногие исследователи обращали внимание на стремление Москвы вывести процесс ядерного разоружения из тупика, первым шагом к чему стала ратификация Государственной думой Договора СНВ-2 в 2000 г. Заключение с администрацией Дж. Буша-младшего Договора о стратегических наступательных потенциалах в мае 2002 г. расценивалось как проигрыш в свете сразу же последовавшего выхода США из Договора по ПРО [63, с. 464]. По тем же позициям критикуется и последний Договор СНВ-3, заключенный Д.А. Медведевым и Б. Обамой в апреле 2010 г.

Авторы, представляющие второе направление, смотрят на проблему иначе. Признавая ослабление России по сравнению с такими потенциальными противниками, как США и НАТО, они принимают процесс разоружения как неизбежный, хотя и заключающий в себе немалые опасности. В результате того что «сдерживание становится все более многосторонним, оно делается все менее устойчивым, а опасность ядерной

войны – более вероятной» [7, с. 26]. Отказ ядерных держав от участия в разоружении является нарушением статьи VI Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) 1968 г. Другое дело, что проходить оно должно при условии достижения консенсуса между «признанными» (участниками ДНЯО) и «непризнанными» (не подписавшими его) ядерными государствами, а не в порядке принуждения, вплоть до свержения «пороговых» режимов, как США поступили с Ираком в 2003 г. [8, с. 29].

В этой связи особенно важно понимание политическими и научными элитами тесной взаимозависимости разоружения и нераспространения. С точки зрения А.Г. Арбатова, серьезной ошибкой является убежденность многих военных экспертов и политиков разных стран в том, что разоружение ядерных держав станет стимулом для «абитуриентов» ядерного клуба и тем самым ослабит нынешних лидеров: «Переговоры по ядерному разоружению даже в ходе последовательных сокращений (с учетом количества и программ модернизации этих средств) не затронут минимально достаточный российский потенциал ядерного сдерживания на протяжении десятилетий» [12, с. 340].

Большое значение имеют гарантии, которые ведущие ядерные державы могут предоставить «непризнанным» членам клуба, оказывая помощь в разрешении региональных конфликтов. В качестве примера начатого, но незавершенного процесса исследователи указывают на Мадридский мирный процесс по урегулированию арабо-израильского конфликта (1991–1995) [10, с. 24-41]. По мнению российских экспертов, важнейшей вехой стало совместное заявление участников ДНЯО в 1995 г. (в связи с бессрочным продлением договора) об отказе применять ядерное оружие друг против друга.

Между тем отмечалось, что в нем отсутствуют гарантии для союзников ядерных держав, а это, несомненно, стало большим упущением и ослабило шансы укрепить режим нераспространения. Совершенно деструктивную позицию по данному вопросу в начале третьего тысячелетия заняла республиканская партия США, абсолютное большинство которой считало гарантии против применения ядерного оружия «теоретическими измышлениями», что привело к неудаче нескольких Обзорных конференций по ДНЯО. Наконец, если СССР в 1982 г. в ходе переговоров с США дал обязательство не применять ядерное оружие первым (о чем заявили и заокеанские партнеры-оппоненты), то в 1993 г. Россия отказалась от этого. В начале 2000-х гг. в ядерные доктрины России и США были включены пункты о возможности нанесения удара первым, что значительно повысило роль ядерного оружия и снизило перспективы конструктивного процесса сокращения.

«Вторые» ядерные державы (Великобритания и Франция) также не спешат подключаться к процессу разоружения, а, напротив, пришли к сотрудничеству в поддержании своего ядерного статуса [12, с. 49–52]. Еще сложнее ситуация с Китаем: между ним, с одной стороны, и СССР и США, с другой, существуют отношения асимметричного сдерживания. Взяв на вооружение старые советские призывы полностью отказаться от ядерного оружия и заявляя о неприменении его первым, он сохранил ракеты средней и меньшей дальности, а также методично строит сеть подземных хранилищ, очевидно, предназначенных для хранения резервных ядерных боезарядов, и уже может рассматриваться как «третья» ядерная держава [11, с. 14–18]. Итак, исследователи второго направления, признавая международные механизмы разоружения и нераспространения эффективными, тем не менее, приходят к выводу о неизбежной их зависимости от наличия или отсутствия доброй воли «великих держав».

Отдельной темой является изучение развития систем противоракетной обороны (ПРО). В данной точке пересекаются интересы исследователей первого и второго направлений. В частности, указывается, что в ходе переговоров по ядерным космическим вооружениям (ЯКВ) в 1985–1991 гг. СССР успешно справился со всеми попытками США провести ревизию Договора, фактически денонсировать его. Россия и США в течение 1990-х гг. вели переговоры о разграничении «стратегической» и «нестратегической» ПРО. Несмотря на заявления американской стороны о незыблемости Договора 1972 г., к концу своего срока администрация Клинтона выдвинула проект национальной противоракетной обороны (НПРО), тактической, однако все же выходящей за установленные рамки. Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов 2002 г. открыл перспективу (теоретически) заключения Договора СНВ-3. Однако обозначенный в нем лимит боезарядов (1700–2200) включал только «оперативно развернутые», что позволило американцам не сокращать пусковые установки на носителях. Россия же, в силу специфики своих вооружений, была вынуждена сокращать не только боезаряды, но и носители [2, с. 96, 97].

В рамках третьего из указанных направлений исследований рассматриваются военно-технические и общие стратегические аспекты процесса ядерного разоружения, а также факторы, тормозящие его. В основном речь идет о ПРО. Генерал-полковник В.И. Есин, консультант командующего Ракетных войск стратегического назначения (РВСН), опровергает мнение о том, что Россия уделяла мало внимания развитию систем отражения космических угроз, разрабатывавшихся в США и способных подорвать двусторонний процесс сокращения ядерных вооружений. Уже в 1967 г. появилась эффективная система «Истребитель

спутников» (ИС-М), принятая на вооружение в 1978 г. [12, с. 41].

С.К. Ознобищев, В.Я. Потапов и В.В. Скоков продемонстрировали, что советская научно-техническая школа и военно-промышленный комплекс дали адекватный ответ на программу «звездных войн» Рейгана (СОИ). Он заключался в развитии аналитических информационных систем для определения необходимых изменений в оснащении и дислокации составляющих «стратегической триады». Непосредственной разработкой этих «асимметричных» методов отражения ядерного нападения занимались факультет вычислительной математики и кибернетики МГУ им. М.В. Ломоносова, МВТУ им. Н.Э. Баумана, МФТИ, МИФИ, Отдел военно-политических исследований Института США и Канады, Саровский ядерный центр. Большую роль сыграли в этом выдающиеся советские ученые, академики Е.П. Велихов, Ю.Б. Харитон, М.И. Герасев, А.А. Коновалов, А.А. Васильев.

От усиления СЯС был совершен переход к «асимметричным» средствам борьбы. Бывший глава Совета безопасности РФ и руководитель Отдела военно-политических исследований Института США и Канады, выпускник МВТУ им. Н.Э. Баумана А.А. Кокошин указал, что в 1990-е г. была разработана концепция «неядерного» сдерживания (в составе высокоточных дальнобойных артиллерийских систем, электромагнитных бомб, многоцелевых ракет для подводных лодок) [53, с. 17–21].

На другом «фланге» данного направления находятся исследователи, трактующие тот же аспект в пессимистическом ключе. В качестве примера можно привести монографию А.П. Барышева, профессора Дипломатической академии, занимавшего важные дипломатические посты [16]. При всем качественном анализе состояния американских Вооруженных сил, справедливой озабоченности тем, что США развивают высокоточные вооружения в обычном оснащении, не подпадающие под ограничение согласно Договору СНВ-3, главные его выводы носят политический, а не научный характер.

Исходя из постепенного «перерождения» правящего режима нашей страны, начиная с хрущевской «оттепели», Барышев утверждает, что современная политика российских властей в области разоружения заключается в односторонних уступках США и НАТО, подчинении Вооруженных сил России интересам внутренней олигархии, капитулирующей перед Западом. «Исследователи-перевертыши», подобные А.Г. Арбатову и С.М. Рогову, обслуживают «ельцинско-путинско-медведевский режим», поступающий национальными интересами, «похолопски гнувший спину» перед мировым империализмом [16, с. 6, 25–36].

Аналогична по духу коллективная монография военных экспертов под

названием «Пределы сокращения». Авторы ее заявляют, в частности, что «порог ядерной стабильности имеет пределы понижения». Именно к этому и стремится «консорция агентов перемен», тщательно скрывая нависшую над страной угрозу не только от общественности, но и от власти. России необходима «полноценная оптимизированная ядерная деятельность, включая адекватную реакцию на различного вида разоруженческие инициативы» [5, с. 13, 17]. Под этой обтекаемой фразой скрывается отрицание всего того, что было сделано СССР/Россией в области ядерного разоружения, начиная с конца 1960-х гг. Представляется, что с учетом противостояния «холодной войны» иначе быть не могло.

Подводя итог рассмотрению основных направлений историографии проблемы ядерного разоружения, можно сделать следующие выводы.

Представители первого направления избирают в качестве предмета своего исследования причины ядерного разоружения в двустороннем контексте, часто оставляя за рамками ядерные интересы других стран. Точно также исследователи второго направления подчас переоценивают роль международных институтов. Наибольших результатов добиваются те авторы, которым удается совместить историзм, методы политологии, теории международных отношений.

Третье направление отличается повышенным вниманием к деталям военного строительства, что позволяет избежать чрезмерного «оптимизма» в отношении будущего процессов разоружения. Однако в среде данной группы исследователей наблюдается расхождение во взглядах: от признания важности разоружения до откровенно алармистских установок, суть которых заключается в признании порочности ядерного разоружения как капитулянтского курса, губительного для интересов нашей страны. Большой отпечаток на тон работ исследователей налагает тот факт, работают ли военные эксперты совместно с «международниками» в одних и тех же организациях. Таким образом, крайне актуальная проблема ядерного разоружения получает подробные, но не однозначные трактовки.

ГЛАВА 2 ПЕРЕГОВОРЫ О КОНТРОЛЕ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ В ПЕРИОД 1955-1970 ГГ.

«Десталинизация внешней политики»... Этот термин применил Б. Крайски, когда характеризовал в газете «Neue Zeit» ситуацию в СССР во второй половине 1950-х- начале 1960-х гг. Совокупность факторов заставила новое руководство Кремля изменить политику. Решающее значение, по его мнению, сыграли события в Греции, которая не стала «коммунистической благодаря сопротивлению западных держав», «отход Тито от Москвы»; план Маршалла; неудачная блокада советскими войсками Берлина; противостояние Южной Кореи «русско-китайской завоевательной кампании»; создание и расширение «союза демократических государств» Европы с Канадой, США и НАТО [80, с.46].

В выступлении Председателя Совета министров СССР Г.М. Маленкова уже 15 марта 1953 г. была высказана идея о необходимости пересмотра принципов советско-американских отношений. Он одним из первых заговорил о возможности «разрядки» международной напряженности. Интересно, что наиболее активно отстаивал идею улучшения отношений с Западом именно Л.П. Берия, курировавший ядерный проект СССР, обладавший тонким политическим чутьем и огромной секретной информацией. Конечно, речь не шла о быстром повороте в политике конфронтации или о преодолении взаимного недоверия. Но стало очевидным, что последуют кардинальные перемены в политике СССР.

Весной этого же года группа аналитиков и экспертов, созданная при президенте Эйзенхауэре рекомендовала начать переговоры с СССР во временных пределах, ограниченных двумя годами. За эти два года США могли бы достичь громадного превосходства, уже реально опережая СССР по количеству ядерных зарядов. США могли бы, используя «позицию силы», заставить СССР пойти на многие уступки. Но этот план не был принят. Гэддис, раскрывая многие механизмы Холодной войны, отметил специфику мышления американской элиты в подходе к переговорному процессу с СССР. Будущие переговоры проектировались только на основе возможной советской капитуляции [76, с.100] Тем не менее, уже в 1953-1954 гг. обе стороны пытались найти возможные новые подходы друг к другу. Перед русскими и американцами вновь вставал вопрос: «Где проходят границы допустимого сближения и конфронтации?» В первой половине 1950-х гг. ни в Белом доме, ни в Кремле не было четкого ответа.

Процесс разработки новой советской международной стратегии был внутренне противоречивым, рожденным во многом мотивами личных конфликтов в коллективном руководстве, где шла ожесточенная, но скрытая

борьба за власть. Одним из пунктов обвинения Берии, против которого выступили Хрущев, Н.А. Булганин, Маленков, значилась «попытка войти в контакт с титовской кликой». Но в июле 1953 г. Президиум ЦК КПСС принял решение о нормализации отношений с Югославией и преодоления «взаимного недоверия».

Уже в начале 1954 г. из Кремля последовала целая серия мирных инициатив по разоружению, которая буквально обрушилась на западные страны. В начале 1954 г. на Берлинском совещании министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции был предложен советский проект декларации правительств этих стран и Китая о безоговорочном обязательстве не применять атомного, водородного и других видов оружия массового поражения. Реакция западных держав была весьма прохладной. В марте 1954 г. последовало очередное советское предложение, которое еще более озадачило руководство США. Москва предлагала рассмотреть вопрос об участии СССР в Североатлантическом договоре. Эта идея была так же вежливо отклонена [54, с.72] В ноябре СССР обратился с предложением о созыве в Москве или Париже общеевропейской конференции по коллективной безопасности. Интересно, что в ответ на советскую ноту австрийское правительство высказало предложение о возможности организации подобной встречи в Вене [59] Кульминацией этого периода односторонних мирных инициатив стала встреча глав государств США, Англии, Франции и СССР в Женеве в июле 1955 г.

Мирные инициативы 1954-1955 гг. были нацелены не столько на реальный прогресс в снижении темпов гонки вооружения или ограничении арсеналов ядерного оружия, сколько служили инструментом дипломатического зондажа для более полного выяснения позиции другой стороны. По сути, они были призваны стимулировать начало длительного и непрерывного переговорного процесса. Недаром в итоговом документе Парижского совещания представителей Англии, США и Франции, которое по секретным каналам было передано в Москву, значилось: «При условии сохранения западными державами единого фронта они могут надеяться на то, что им удастся, благодаря более широким контактам, оказать благоприятное влияние на население стран советского блока и вызвать по истечении некоторого времени появление таких тенденций, направление которых Кремлю трудно будет изменить. Запад может также лучше узнать СССР благодаря этим контактам» [9] Но одновременно представители Англии, Франции и США осознавали, что «развитие контактов предоставит русским более широкие возможности для ведения шпионажа и будет благоприятствовать достижению целей коммунизма. В особенности необходимо опасаться, как бы Запад не ослабил свою бдительность и не

создал впечатления, что одобряет статус-кво и советское господство над поработанными народами» [43,с.18]. Эти слова могли бы стать эпиграфом ко всей истории развития диалога между СССР и Западом в хрущевское десятилетие. Таким образом, в первой половине 1950-х гг. переговорный процесс по линии Восток- Запад характеризовался следующими чертами:

Во-первых, он развивался с двух сторон под влиянием противоречивого сочетания прагматизма и политического «идеологизма». Эйзенхауэр был в гораздо большей степени прагматиком, чем госсекретарь Дж. Даллес, сторонник догматов воинствующего антикоммунизма и антисоветизма. В первое десятилетие после мировой войны политический реализм не мог соперничать с идеологическими фильтрами в сознании американской и советской элиты. Еще не было выработано императива человеческого выживания в ядерный век. Степень реализма определялась тем, насколько СССР мог заставить американское руководство считаться с собственной ядерной силой, насколько был способен учитывать риск ядерного уничтожения.

Тем не менее, даже Даллес придавал значение ведению переговоров с СССР, хотя они и не были бы нацелены на достижение результата. Как указывал Даллес: «Полезно вести переговоры для того, чтобы мы поняли точку зрения друг друга и попытались ее понять так хорошо, чтобы исключить серьезные просчеты» [83].

Такой подход нашел отражение в доктрине СНБ-5501 от 7 января 1955 г., в которой впервые говорилось, что «Соединенные Штаты должны быть готовы вести переговоры с Советским Союзом всякий раз, когда возникает отчетливое впечатление, что посредством этого будут удовлетворяться интересы безопасности США» [76] Но сам факт переговоров не исключал активной деятельности СССР и США в строительстве своих военно-политических блоков, стратегий ведения психологической войны друг против друга, а также методов ядерного сдерживания и устрашения.

Статья Дж. Кэмпбелла, директора политических исследований Совета по международным отношениям, «Переговоры с Советами», опубликованная в начале 1956 г., как нельзя лучше демонстрирует суть американской позиции на переговорах. Характеризуя ядерную мощь обеих держав, Кэмпбелл делал вывод, что она достигла своего предела, стала невыносимой. Поэтому в мировой политике должен наступить этап длительных, возможно, непрерывных переговоров ради безопасности в мире. Возрастание ядерной мощи заставляет стороны искать спасение в результативных соглашениях. Согласно его прогнозу, противостояние будет переходить на другие уровни, хотя проблемы сохранятся, также как и источники конфликтов [73].

Таким образом, уже к середине 1950-х гг. стало складываться

представление, что в повестку переговорного процесса о разоружении неизбежно должны включаться вопросы регионального противостояния сверхдержав. Это потенциально могло расширить предметы и интенсивность торга.

Во-вторых, в переговорном процессе «Москва-Вашингтон» уступки могли иметь только взаимный характер. Необходимость переговоров о разоружении напрямую обуславливалась состоянием ядерного потенциала державы. Частота миролюбивых инициатив Хрущева также зависела от состояния ядерного потенциала СССР. Фактор отставания (особенно в первой половине 1950-х гг.) постоянно побуждал кремлевское руководство выступать с инициативой переговоров. Во многом такая настойчивость была вызвана тем, что Хрущев не был удовлетворен состоянием советского ядерного потенциала. Поэтому США, убежденные в собственной позиции силы, первоначально сомневались в необходимости интенсивного переговорного процесса.

В-третьих, миролюбивые инициативы изначально были ориентированы на улучшение международного имиджа СССР. Они были призваны развенчать миф об угрозе с Востока, который поддерживал внутреннее единство в НАТО и консолидацию его членов вокруг позиции США. В служебной записке международного отдела ЦК КПСС отмечалось, что «Соединенные Штаты Америки в послевоенные годы придают особое внимание вопросам пропаганды империалистической идеологии. Пропаганда «американского образа жизни», защита капиталистического строя вообще и постоянные атаки на социалистические страны, в особенности на Советский Союз, подняты в США до уровня правительственной политики».

Идеологический фронт Холодной войны включал в себя радиовещание на зарубежные страны, периодические издания, литературу и журналистику. Уже в 1954 г. общий тираж политической литературы в СССР составил 130 млн экземпляров при населении СССР в 190 млн человек. Мощность радиовещания постоянно наращивалась. К 1959 г. она составляла 10040 квт, почти в пять раз больше, чем в 1949 г. В три раза увеличились мощности радиовещания на зарубежные страны (5900 квт. в 1949 г. - 16 000 квт в 1959 г.).

Мирные предложения никак не смягчали фон восприятия Другого на внутреннем уровне советской политики. Скорее даже наоборот. В советском кинематографе именно в хрущевское десятилетие образ врага стал отчетливым и устойчивым. Особенно в детективах и приключенческих фильмах, где активно действовали против советских людей американские, английские и германские шпионы и диверсанты, «бывшие» русские из эмигрантской среды, перешедшие на службу в западные разведывательные

структуры, ученые, занимающиеся смертоносными военными разработками, бывшие нацисты. Добраивался образ врага путем противопоставления положительных персонажей - защитников советского строя - разведчиков, сотрудников КГБ, простых советских граждан из рабочей или крестьянской среды, являвшихся образцом советских социалистических моральных ценностей [43]

Характеризуя особенности восприятия западного Другого советскими политиками, Хрущев откровенно признавал: «В принципе, любые их предложения <... > нам можно было бы принять, но мы внутренне не были готовы к этому, еще не отделались от наследия сталинских времен, когда в каждом иностранце видели разоблаченного врага, приезжающего к нам только с целью вербовки советских людей и шпионажа» [69, с.86].

В-четвертых, наивно было бы думать, что желание обеих сторон, пусть даже не самое искреннее, начать переговорный процесс было вызвано пониманием ответственности перед угрозой ядерной войны или глобальной военной конфронтацией. Это сознание придет позже, после Карибского кризиса 1962 г. В докладе рабочей группы США, Англии и Франции по подготовке Женевской встречи было четко зафиксировано принципиальное расхождение. Западные аналитики отмечали, что «целью русских остается предоставление приоритета ограничению вооружений перед инспекцией. Западные же державы придерживаются того мнения, что полная и эффективная система контроля является предварительным условием для любого соглашения о разоружении». Соответственно западные державы выдвигали на первый план задачу совместного согласования механизмов контроля над вооружением.

К середине 1950-х гг. сформировалась своеобразная «база идей», вмещавшая различные проекты и предложения, которые могли бы стать предметом переговорного процесса. К их числу относились: воздушная разведка территорий СССР и США; проект создания Международного контрольного органа по добыче атомного сырья и производству атомных материалов; проект одновременного запрета атомного, водородного и других видов оружия массового уничтожения. Однако в ходе обсуждений обе стороны прибегали к старым методам дипломатии, которые они использовали еще в первые послевоенные годы, т.е. взаимному блокированию предложений противоположной стороны. На протяжении всех 1950-х гг. сохранялся большой дефицит взаимного доверия.

Журналисты, а затем и исследователи, стали широко использовать понятие «дух Женевы», чтобы подчеркнуть начало нового диалога между СССР и странами Запада. Но на самом деле в 1955-1956 гг. еще более усилилось идеологическое и политическое противостояние. Несмотря на

миролюбивую риторику, которая к этому времени стала своего рода нормой в переписке глав государств и их публичных выступлениях, реальная политика сохраняла инерцию довольно жесткой конфронтации и подозрительности.

Логика переговорного процесса подчас принимала парадоксальные формы. Так, США предлагали проводить совместную аэрофотосъемку и наладить обмен военной информацией. Булганин в ответном письме президенту Эйзенхауэру не возражал против этого предложения. Напротив, он подчеркивал, что обмен принесет взаимную пользу. Но следом замечал, что тогда необходимо, чтобы взаимный контроль охватывал все виды вооружения, включая ядерные стратегические, а также распространялся и на все государства. И, конечно же, сопровождался соответствующей проверкой и предоставлением данных в Международный контрольный орган. Не отрицая американского предложения, даже углубляя его, Булганин, по сути, доводил его до абсурда. На первый взгляд его дополнения имели самый миролюбивый характер. Но они не имели ничего общего с реальным положением вещей и действительными пределами допустимого для СССР и США контроля.

Вообще переписка Булганина и Эйзенхауэра является замечательным примером совершенно нового стиля в дипломатии СССР и США. Политическая риторика уже не содержала ультимативных требований и жестких формулировок. Обтекаемые фразы, особый миролюбивый настрой, деловой, даже прагматичный стиль. Но это лишь камуфляж, за которым угадывалось стремление выиграть время или перевести переговоры в ситуацию конкурентного торга. Причину такой позиции советской стороны впоследствии Хрущев объяснил в своих мемуарах: «Тогда мы отставали в процессе накопления ядерного оружия и не имели нужного количества его носителей типа ракет <... > Естественно, контроль на месте оказался бы не в нашу пользу: США получили бы возможность чисто арифметически все подсчитать и определить, что мы слабее. И возникло бы для них наиболее выгодное время покончить с нами путем войны» [69, с.86] В этих историях 1950-х гг. наряду с напряженными ситуациями возникали иногда просто анекдотичные случаи. Чего стоит, например, «история с воздушными шарами». Советская сторона зафиксировала, что с территории Западной Германии американские организации запускают воздушные шары. За девять месяцев 1955 г. в воздух поднялось 1400 воздушных шаров с 300 тыс. антисоветскими листовками, газетами, брошюрами и журналами, которые разбрасывались на территории восточноевропейских стран. С сентября на шары стали подвешивать фотоаппаратуру. СССР заявил, что готов организовать выставку подобных воздушных шаров, поскольку их

накопилось достаточное количество. В ответ американская сторона мягко дала понять, что это не послужит «каким-либо полезным целям», тем более что располагала такими же, но советскими шарами. В итоге американцы предложили вернуть друг другу воздушные шары, находившиеся в распоряжении каждой из сторон [9, с. 59]

И все же «дух Женевы» придал мощный импульс развитию многопланового диалога СССР с Западом и позволил приоткрыть железный занавес. С 1956 г. начали постепенно расширяться каналы коммуникаций между советскими людьми и Западом.

На военном параде в Москве на Красной площади 7 ноября 1957 г. впервые были показаны межконтинентальные баллистические ракеты. Это вызвало серьезные размышления и опасения в военно-стратегических кругах западных стран. СССР совершил рывок в выравнивании военно-стратегических сил с США. Вашингтон лишился важных преимуществ, на основе которых строились идеи об американском военном превосходстве. Комиссия ведущих аналитиков при президенте США еще в октябре 1957 г. подготовила рекомендации по изменению ведения переговоров с СССР. Этот документ, известный как «доклад Гейтера», указывал на то, что период с 1956 г. по 1960 г. будет «лучшим временем для того, чтобы вести переговоры с позиции силы, поскольку военный статус США по отношению к России может никогда уже не оказаться столь сильным» [74, с.26]. Но рубеж наступил раньше.

Переговорный процесс между СССР и США в хрущевское десятилетие можно условно разделить на два периода. Когда СССР получил термоядерное оружие и взял на вооружение межконтинентальные баллистические ракеты, кардинально изменилась база переговорного процесса. Американцы с присущим им прагматизмом быстро осознали изменение в стратегическом балансе сил. Теперь уже всякий раз при решении вопроса о войне пришлось бы взвешивать риск возможного уничтожения и своей территории. С этого времени резко повысился интерес к стратегии переговоров вообще, и с Кремлем в особенности.

Это стало очевидно в 1958-1959 гг. Сначала госсекретарь Даллес выступил с программной речью в Национальном клубе печати в Вашингтоне, затем заместитель помощника госсекретаря по европейским делам Ф. Колер развил его идеи в своем большом выступлении под названием «Переговоры как эффективный инструмент американской внешней политики» 6 мая 1958 г. [83]

Эти выступления свидетельствовали об определенной трансформации американского политического мышления. Убежденный противник СССР Даллес тем не менее признал тогда, что при угрозе перерастания Холодной

войны в горячую, нужно искать те области в переговорном процессе с русскими, «где могло бы быть хорошее соглашение в общих интересах». Колер, анализируя переговоры с советским руководством, подчеркивал неуступчивость, подозрительность и недоверие русских. Как опытный дипломат, он прекрасно понимал, что различие в политических системах создают большие сложности в достижении общей позиции. Но именно переговоры, по его мнению, особенно необходимы на современном этапе. Они должны иметь постоянный характер с использованием всех доступных средств и приемов, которые могли бы привести к конструктивным результатам.

Колер предложил поднять ценность переговорного процесса как основного механизма сохранения мира, пытаясь при этом добиться изменения основополагающих целей внешней и внутренней политики СССР. Советские лидеры никогда не скрывали, что их конечная цель - «триумф коммунизма во всемирном масштабе». Это изначально было неприемлемым для США. Поэтому советско-американские переговоры будут для США, по мнению Колера, длительным процессом, сопровождающимся то снижением, то усилением напряженности и некоторым обоюдным ограничением вооружения. В это же время в высших кругах СССР и США развернулось обсуждение стратегии ограниченной войны с различными сценариями - от ядерного до применения обычных видов вооружения. Смысл этих подходов в значительной степени раскрывают работы Г. Киссинджера и М. Гальперина. Киссинджер не скрывал, что в военной среде, занимающейся разработками стратегического характера, нет единства мнений относительно моделей «ограниченной ядерной войны» или «обычной локальной войны». Но переговоры способны оказывать воздействие на военные доктрины относительно применения ядерного оружия. Оба ведущих аналитика подчеркивали, что если США готовы сесть за стол переговоров по контролю над вооружениями, то важно добиться, чтобы любая возникшая локальная война велась бы без применения ядерного оружия [79, с.80].

Но в позиции советской и американской сторон были стабильными идеологические установки, образовавшие своего рода матрицы сознания, в рамках которых возникали регулирующие рефлексии на международные процессы. Советская сторона не думала отказываться от классового подхода в мировой политике, бдительно сохраняя марксистскую веру в объективные факторы и будущий крах капиталистической системы. Несмотря на риторику публичных заявлений, в советских внешнеполитических стратегиях по отношению к Западу не было никакой «искренней воли» или «добрых намерений».

В свою очередь, американский послевоенный подход развивался на

основе доктрины «сдерживания». Для американцев, как справедливо подчеркивал Киссинджер, военные акции превращались в «крестовый подход» для наказания «агрессора» [79, с.83] Не менее распространенным было стремление увязывать переговоры с идеями трансформации политического строя в СССР: если есть признаки «либерализации», то имело смысл вести переговоры. В 1960 г. Киссинджер писал: «Доведенная до абсурда эта школа мышления настаивала на отказе даже от советского согласия с нашими собственными предложениями» [79, с.88]. Хотя на самом деле более важной задачей, по его мнению, являлось понимание того, «какой именно характер соглашений совместим с нашими идеалами и имеет отношение к нашей безопасности независимо от внутренней структуры Советского Союза» Соответственно он предлагал не увлекаться дискуссиями о том, является ли хрущевское руководство «сталинским» или «либеральным».

В то же время в 1959 г. на последнем президентском сроке Эйзенхауэра были достигнуты серьезные результаты. После затянувшейся паузы в переговорах и взаимных популистских обвинений прорывом стало подписание в 1959 г. первого договора об использовании Антарктики в мирных целях и нераспространении ядерного оружия «по горизонтали». Не менее значимым событием стал визит Хрущева в США и первая за всю историю советско-американских отношений двусторонняя встреча на высшем уровне в Кэмп-Дэвиде. В ходе президентской избирательной кампании 1960 г. Эйзенхауэру ставили в вину неспособность сдерживать революции в третьем мире, ракетное отставание от СССР, упущенные возможности в переговорных процессах с СССР по сокращению или ограничению вооружений. К разработке внешнеполитического курса нового президента-демократа Дж. Кеннеди были привлечены и Киссинджер, и П. Нитце, сторонник «позиции силы» в переговорном процессе. Они имели прямо противоположные взгляды и подходы к внешне-политическому курсу, но это обеспечивало объединение вокруг президента различных сил от умеренно-либеральных до консервативных. Стратегия Кеннеди, как представляется, совмещала традицию силового подхода и понимание того, что США необходимо более гибко реагировать на вызовы международных процессов.

Этот подход проявился во время его встречи с Хрущевым в Вене, которая стала результатом переосмысления роли и значения переговоров с советской и американской стороны. Эффект двусторонней встречи в Кэмпэвиде, дипломатические контакты с русскими, переговоры в многостороннем формате по разоружению - все это служило, как высказался Гэддис, «легитимацией идей» о том, что переговоры с Москвой были бы

подходящим средством для реализации американских принципов национальной безопасности. Как напишет один из первых биографов Кеннеди Т. Соренсен, президент предполагал в дальнейшем начать специальные переговоры, чтобы снизить уровень конфронтации [78, с.133].

На венской встрече 4 июня 1961 г. у Хрущева и Кеннеди был целый спектр тем для обмена мнениями. Хрущев ехал в Вену с сознанием победителя. СССР одержал победу на спутниковом этапе космической гонки. На осень 1961 г. был запланирован XXII съезд партии, на котором предполагалось провозгласить, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Однако растущее беспокойство Хрущева вызывали ракетно-ядерные базы США, особенно в Турции, нацеленные на СССР. Кроме того, оба лидера не скрывали своего особого отношения к Кубинской революции, произошедшей в 1959 году. Известны слова Хрущева, обращенные к президенту США в Вене: «Ведь Фидель Кастро не коммунист, но Вы своими действиями можете так вышколить его, что он в конечном счете действительно станет коммунистом, и тогда это уже будет Ваша заслуга» [44, с.59].

Хрущев затронул весьма болезненную тему. Всего лишь два месяца назад Кеннеди и ЦРУ стали объектом острейшей критики республиканской прессы, обвинившей их в провале американского плана военного вторжения на Кубу. Кубинцы были предупреждены об этой интервенции и дали отпор, уничтожив десант в заливе Кочинос. Кеннеди обвиняли в бездействии в отношении кубинского вопроса, который стал основным козырем в избирательной борьбе республиканцев, готовившихся к промежуточным выборам в Конгресс. Хотя выборы должны были состояться только в ноябре 1962 г., тема Кубы постоянно обсуждалась на страницах американской прессы, в публичных речах политиков и общественных деятелей. В этой обстановке благодушная рекомендация Хрущева звучала как зловещее предостережение.

Пройдет всего лишь год, и две сверхдержавы, а вместе с ними и весь мир окажутся на грани ядерного апокалипсиса. О Карибском кризисе - самом драматичном эпизоде Холодной войны - написаны сотни исследований. В 1990-е - 2000-е гг. были рассекречены и изданы тома документов из архивов США, России, Гаваны. Детально проанализированы все тринадцать дней в октябре 1962 г., когда в Белом Доме и Кремле вырабатывались стратегии перехода от ядерных ультиматумов к *modus vivendi*, согласовывались формулы компромисса. Структура кризиса, внешние и внутренние факторы, модели выработки решений, ментальные характеристики участников, методы и формы переговорного процесса сегодня уже досконально изучены [65, с.88] Общая картина Карибского кризиса реконструирована, хотя еще

сохраняются дискуссионные темы, как частного, так и обобщающего характера.

Взгляд из Гаваны на эти события фокусируется на «предательстве Хрущевым» горячих и неопытных кубинских лидеров, которые поверили заверениям Москвы, что революцию защитят ее ядерные ракеты средней дальности, тайно размещенные с июня по октябрь 1962 г. Хрущев жаждал неожиданного эффекта. Он отказался принять предложение кубинцев о публичном заявлении о размещении ракет, как это открыто делали американцы на ракетно-ядерных базах в Великобритании («Тор») и Турции («Юпитер»). Хрущев мечтал приставить «ядерный пистолет к виску Вашингтона», но сначала - тайно, а затем, объявив Кеннеди на встрече во время Генеральной ассамблеи ООН в ноябре 1962 г. Тем самым он сделал Кубу, еще не определившуюся с политической ориентацией, с непредсказуемой внутренней обстановкой, заложницей собственных амбиций и ядерного шантажа. Риск был колоссальный, учитывая импульсивность и амбициозность кубинских революционеров, а также болезненную реакцию Белого дома на кубинскую тему. Но Хрущев как политический лидер всегда предпочитал острые рискованные ситуации.

Взгляд из России во многом объясняет мотивы этого огромного ядерного риска. США планомерно осуществляли программу создания ядерного пояса (ракетные базы) вокруг СССР, используя метод превентивного ядерного шантажа и позицию силы. Известен доклад председателя КГБ Хрущеву на основе данных разведки из Пентагона как раз накануне кризиса. В нем сообщалось, что американцы считают, что «СССР в настоящее время не имеет достаточного количества ракет для уничтожения стратегических баз НАТО. Однако через некоторое время Советский Союз будет располагать такими ракетами в достаточном количестве <... > Существующее в настоящее время соотношение сил между США и СССР в военной области позволяет Соединенным Штатам рассчитывать в случае войны на успех» [31, с.26]. Американский ядерный удар по СССР был кошмаром советского руководства в эти годы. Любые превентивные меры, вплоть до самых рискованных, имели для Кремля оправдательную мотивацию.

Хрущев сознательно пошел на обострение отношений с Вашингтоном уже в марте 1962 г., когда советское Главное разведывательное управление сообщило ему о планировавшемся ядерном ударе Пентагона по территории СССР в сентябре 1961 г. Таких проектов было немало, но это были рабочие документы превентивно-стратегического характера. Хрущев отменил обмен телевизионными посланиями с президентом Кеннеди, затем осудил его заявление о решимости применить ядерное оружие с самого начала

вооруженного конфликта. В июне брату президента Р. Кеннеди было демонстративно отказано во въездной визе. Лето прошло в нервном напряжении.

Председатель КГБ В. Семичастный докладывал Хрущеву о постановке на боевое дежурство в Турции 17 американских баллистических ракет средней дальности «Юпитер», а также о решении Вашингтона послать в воды Турции несколько подводных лодок с баллистическими ракетами «Поларис». Параллельно с 22 августа 1962 г. Хрущев начал разыгрывать «берлинскую карту», потребовав от США, Великобритании и Франции подписать мирный договор с ГДР. Обострение советско-американских отношений наступило в сентябре, когда советские вооруженные силы были приведены в состояние ограниченной боевой готовности. Этому предшествовало заявление Кеннеди о недопустимости присутствия на Кубе советских боевых формирований, военных баз, наступательных ракет класса «земля-земля». Тогда же СССР принял решение разместить на Кубе не только ракеты средней дальности, но и тактическое ядерное оружие [31, с.26]

Операция «Анадырь» по доставке советского «спецгруза» на Кубу шла полным ходом в обстановке повышенной секретности. Хотя уже с апреля 1961 г. ЦРУ удалось завербовать полковника ГРУ Генерального штаба Вооруженных сил СССР О.В. Пеньковского, который передавал США данные о реальном состоянии советских ракетных арсеналов и операциях по их размещению. Только 14 октября американский разведывательный самолет обнаружил ракетные позиции на Кубе. Президент Кеннеди создал специальный секретный штаб по управлению кризисом (ESCCOM).

С 23 по 28 октября продолжался самый опасный в истории человечества переговорный процесс. Вооруженные силы СССР и стран Варшавского договора находились в состоянии повышенной боевой готовности. Президент Кеннеди и лидер СССР Хрущев каждый день обменивались личными посланиями. Переговоры бурлили в структурах ООН. США объявили военно-морскую блокаду судам СССР, направлявшимся к Кубе. Обе стороны в ультимативных заявлениях не исключали ядерный конфликт, но рассматривали возможные варианты взаимного отступления. Необходимость формулы компромисса диктовалась прагматичными соображениями. Кеннеди считал, что в ответ на американские действия на Кубе СССР обязательно нанесет удар по Берлину. На карту были поставлены Куба - Берлин - Турция.

Параллельно сразу же возникали новые линии неформального обмена информацией между сторонами, которые искали выхода из тяжелой ситуации. Общение Р. Кеннеди с послом СССР в США А.Ф. Добрыниным и советским разведчиком Г.Н. Большаковым, сотрудником посольства, сыграло

важнейшую роль. Именно Большаков, как подчеркивал знаток этих событий академик Фурсенко, первым сообщил в Москву формулу компромисса, разработанную «Р. Кеннеди и его друзьями» уже 23 октября. Она сводилась к следующему: США ликвидируют свои ракетные базы в Турции и Италии, а СССР - на Кубе. Из-за разницы времени и технических сбоев информация пришла с запозданием в Москву - 25 октября. Уже в этот день на заседании Президиума ЦК КПСС Хрущев заявил, что ракеты придется убрать в ответ на американское обязательство не трогать Кубу.

Это был особый канал конфиденциальной связи, столь необходимый в кризисных условиях и Москве, и Вашингтону. Р. Кеннеди и его круг прекрасно знали, что обаятельный Большаков является сотрудником советской разведки. Но американцы сделали шаг на- встречу, приглашая его на частные обеды и встречи, налаживая с ним дружеское общение, чтобы установить таким образом конфиденциальную личную связь с Хрущевым. Вопреки установкам руководства ГРУ, Большаков проявил инициативу, пошел на эти контакты еще до кризисных событий. Хрущеву также нужен был такой «медиум» между Белым домом и Кремлем. Формула компромисса была принята Хрущевым, но американская сторона сразу же убрала упоминание об итальянских базах.

Существует также версия о ключевой роли других «медиумов» в переговорном процессе: резидента КГБ в Вашингтоне А.С. Фомина (настоящая фамилия Феклисов) с американским журналистом Дж. Скали. Сам Феклисов неоднократно в публичных выступлениях рассказывал, как на встрече со Скали в ресторане «Оксиденталь» 26 октября сообщил ему о компромиссном решении Хрущева и необходимости выхода из кризиса. А Скали, в свою очередь, немедленно передал эту информацию государственному секретарю США Д. Раску, а потом и самому президенту Кеннеди [66, с.339]

28-29 октября острая фаза кризиса была преодолена. Процесс урегулирования растянулся до января 1963 г. Советские ракеты были демонтированы и вывезены с Кубы, также как ряд других видов боевых вооружений. Учитывая горячность кубинских «бородачей», Хрущев принял решение вывезти и тактическое ядерное оружие, о котором американцы даже не знали. Этот секрет был раскрыт только в 1992 г. Кеннеди также выполнил свое обещание - американские баллистические ракеты в Турции были демонтированы. Президент заверил Кремль в отказе от вторжения на Кубу и в ноябре официально отменил установленный вокруг острова режим карантина.

После раскрытия Большакова и его отъезда в Москву мысль о создании нового конфиденциального канала связи между Москвой и Вашингтоном

уже рассматривалась обеими сторонами. Им стал полковник КГБ Б.В. Карпович, работавший в штате советского посольства в Вашингтоне [67, с.93] В 1963 г. СССР и США заключили договор о запрете испытаний ядерного оружия в атмосфере, под водой и в космическом пространстве. Далее последовали совместные инициативы о запрете выведения ядерного оружия на космическую орбиту. Не затихают споры о том, кто из политических лидеров США или СССР выиграл это противостояние. Без сомнения, Джон и Роберт Кеннеди оказались на высоте. Их стратегическое решение вывело переговорный процесс из тупиковой ситуации. Карибский кризис имел психологическую основу. Он высветил в самом ярком свете личные качества американского и советского лидеров. Они оба были не только на вершине власти, но и заложниками этой власти. В кризисные дни Кеннеди и Хрущев смогли подняться над эмоциями, собственным окружением, проявить политическую волю и пойти на этот компромисс, спасший мир.

К середине 60-х гг. международная обстановка оставалась для СССР противоречивой. Единый некогда социалистический лагерь был расколот китайским руководством, отношения с Западом вновь обострились из-за агрессии США во Вьетнаме, политика СССР в странах «третьего мира» не приносила ожидаемых результатов.

Внешняя политика СССР основывалась на тезисе о радикальном изменении соотношения сил в мире в пользу СССР и союзных ему стран. Позиции США и НАТО оценивались как ослабленные. Такие настроения в советских верхах усилились в начале 70-х гг., когда удалось достичь стратегического паритета с США в военной сфере. Примерное равенство сил лишало любую из сверхдержав возможности победы в войне. Согласие Запада на ведение переговоров о разрядке международной напряженности расценивалось как признак его слабости, успех советской дипломатии.

США действительно не только были вынуждены считаться с новыми военно-стратегическими реалиями, но и пытались выйти из вьетнамского тупика. Не последнюю роль сыграло и то, что, по мнению Запада, режимы в СССР и в союзных ему странах способны сохранять свою силу лишь в условиях жесткого военного и политического противостояния, а в условиях нормализации отношений будут ослаблены.

**ГЛАВА 3 ИЗМЕНЕНИЯ В ДИНАМИКЕ ПЕРЕГОВОРОВ И
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СТРАНАМИ ОТ НАЧАЛА 1970-Х ДО
СЕРЕДИНЫ 1980-Х**

ГЛАВА 4 ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП ПЕРЕГОВОРОВ МЕЖДУ СССР И США В ПЕРИОД С СЕРЕДИНЫ 1980-Х ДО 1991 ГОДА

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Советско-американские отношения на протяжении 1963–1991 гг. характеризовались сложностью и противоречивостью. Сформировался «длинный мир», проявившегося в конфронтационной стабильности, т. е. в сочетании регулируемого противостояния с Советским Союзом и стремления США и их союзников избежать ядерной войны.

В отношениях между СССР и США можно выделить несколько этапов.

Первый этап – 1963–1964 гг. После разрешения Карибского кризиса главы СССР и США понимали, что нельзя допустить повторения событий октября 1962 г. Была установлена прямая линия правительственной связи между Москвой и Вашингтоном, проведена прямая телефонная линия между советским посольством в Вашингтоне и Белым домом. Стремление лидеров двух государств Н. С. Хрущева и Дж. Кеннеди пересмотреть свой подход к решению важнейших мировых проблем позволило заключить 5 августа 1963 г. Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в трех сферах – атмосфере, космическом пространстве и под водой и открыло возможности для нормализации двусторонних отношений в различных областях. Однако убийство президента США Дж. Кеннеди в ноябре 1963 г. и отстранение от власти Н. С. Хрущева в октябре 1964 г. не позволили этой возможности реализоваться.

Второй этап – 1964–1968 гг. Отношения между сверхдержавами были серьезно осложнены конфликтами в Индокитае и на Ближнем Востоке, где обе державы оказали поддержку враждующим сторонам. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIII съезду партии в марте 1966 г. Первый секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев отметил, что «в связи с американской агрессией во Вьетнаме и другими агрессивными действиями американского империализма ухудшились наши отношения с Соединенными Штатами Америки» (Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXII съезду Коммунистической партии Советского Союза. Доклад Первого секретаря ЦК товарища Л. И. Брежнева, с. 40). Однако и на этом этапе стороны продолжали взаимодействовать. 27 января 1967 г. был подписан Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. В 1968 г. по дипломатическим каналам между СССР и США осуществлялось согласование проекта Договора о нераспространении ядерного оружия, который был подписан 1 июля 1968 г. и действует по настоящее время.

Третий этап – 1969–1976 гг. Рубеж 1960-х – 1970-х гг. стал во многом определяющим для дальнейшего развития советско-американских отношений. Стали регулярными советско-американские политические

контакты и встречи на высоком и высшем уровне. В это же время большую роль стал играть «конфиденциальный» канал связи между высшим американским руководством и послом СССР в США А. Ф. Добрыниным. Постоянно действующим фактором в двусторонних отношениях стали переговоры по проблемам ограничения и сокращения ядерных вооружений. В первой половине 1970-х гг., в советско-американских отношениях произошли существенные позитивные сдвиги, были выработаны основополагающие принципы этих отношений применительно к условиям ядерного века, стало налаживаться взаимовыгодное сотрудничество по широкому кругу проблем.

Переход к нормализации советско-американских отношений в 1971–1975 гг. был обусловлен следующими причинами. В начале 1970-х гг. Советский Союз и США достигли примерного стратегического ядерного паритета, чего не было в 1960-е гг. Это было признано новой республиканской администрацией США во главе с Р. Никсоном. Как отмечал в своих воспоминаниях министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, «государственное руководство США – администрация Р. Никсона, – пожалуй, ближе всего подошло к осознанию необходимости мирных отношений с СССР». Укрепились международные позиции СССР. Стабилизировалась ситуация в государствах-членах Организации Варшавского Договора и СЭВ, союзниках СССР. Вышли из международной изоляции ГДР и Куба. Рухнула последняя колониальная империя – португальская. Все больше государств Азии и Африки заявляло о своей социалистической ориентации. В то же время западные страны были заинтересованы в развитии торговых взаимоотношений с СССР, крупнейшим производителем нефти и газа, особенно в условиях энергетического кризиса 1973–1974 гг., связанного с очередной арабо-израильской войной. США, помимо того, что они несли бремя огромных расходов на свои действия в Индокитае и потери и военной техники, продолжали терять своих военнослужащих во Вьетнаме, что вызывало протесты американской и мировой общественности. Вашингтону было необходимо посредничество Москвы, чтобы уйти оттуда с наименьшими потерями. Советский Союз, в условиях провокаций на советско-китайской границе, также был заинтересован в улучшении отношений с США и другими западными государствами.

Во время визита президента США Р. Никсона в Москву в мае 1972 г. и встречи с лидером СССР Л. И. Брежневым удалось заключить два важнейших договора, обеспечивающих стратегическую стабильность – Договор ОСВ-1 и Договор об ограничении систем противоракетной обороны. В послании конгрессу «Внешняя политика Соединенных Штатов на 70-е годы» 3 мая 1973 г. Р. Никсон, отметил, что подход администрации США к

внешней политике отражает реалии ядерного века: «попытки искать тактические выгоды могут привести к конфронтации, которая может быть катастрофической»

Новым элементом в межгосударственных отношениях стали постоянно действующие двусторонние советско-американские институты, созданные с целью реализации достигнутых договоренностей – от соглашений в области ограничения стратегических ядерных вооружений до договоренностей об обменах в сферах науки и культуры. Несмотря на различия политических и социально-экономических систем и идеологические разногласия, оба государства при решении проблем Ближнего и Среднего Востока, Индокитая и других регионов, стремились не допускать перерастания региональных конфликтов в мировые.

Четвертый этап – 1976–1980 гг. – характеризовался тем, что переговорный процесс по ограничению стратегических вооружений был осложнен политикой США, направленной на свертывание разрядки напряженности, Президент США Дж. Форд отказался от термина «детант» («разрядка»), были увеличены ассигнования США на военные нужды. Администрации американского президента Дж. Картера на переговорах ОСВ-2 по снижению суммарных уровней носителей ядерного оружия была направлена на изменение ранее достигнутой Л. И. Брежневым и Дж. Фордом Владивостокской договоренности (ноябрь 1974 г). По требованию США Североатлантический блок принял в 1978 г. решение ежегодном увеличении военных расходов стран-членов альянса на 3 % и так называемое «двойное решение» НАТО – вести переговоры с СССР по ядерным средствам средней дальности и вместе с тем «довооружаться» путем размещения в Западной Европе нового американского оружия среднего радиуса действия. Тем не менее, в этот период усилиями, прежде всего, советской дипломатии, удалось добиться подписания с США Договора ОСВ-2 в июне 1979 г.

Введение советских войск Афганистан в декабре 1979 г. было использовано администрацией президента США Дж. Картера для отказа от рассмотрения ратификации Договора ОСВ-2, бойкота московской Олимпиады-80, свертывания сотрудничества СССР с США в ряде сфер, подписания президентом директивы № 59, допускающей «ограниченную ядерную войну», что означало отход от советско-американского соглашения от 22 июня 1973 г. о предотвращении ядерной войны.

На пятом этапе – 1981–1985 гг. – произошел возврат к советско-американской конфронтации. Президент США Р. Рейган объявил о «крестовом походе против коммунизма» и обещал оставить его «на пепелище истории». В США стали проводиться исследования с целью реализации программы Стратегической оборонной инициативы (СОИ); впервые

обозначилось стремление к изменению Договора по ПРО 1972 г. Неудача на переговорах по ОСВ и переговорах по ядерным средствам средней дальности, в первую очередь, по вине американской стороны, бескомпромиссные позиции руководства США и СССР по этим вопросам привели к прекращению переговорного процесса. На территории ряда государств Западной Европы в ноябре 1983 г. началось размещение новых американских ядерных ракет средней дальности, а в качестве ответной меры – размещение советских оперативно-тактических ракет повышенной дальности на территории ГДР и Чехословакии. Размещение двумя сторонами «евроракет» с крайне небольшим подлетным временем резко увеличили опасность возникновения мировой ядерной войны.

Шестой этап – 1985–1991 гг. Приход к руководству СССР М. С. Горбачева, как первоначально казалось, открыл перспективы для восстановления нормальных отношений с США, окончания холодной войны без победителей и побежденных. Провозглашенная М.С. Горбачевым и одобренная высшими партийно-государственными органами Советского Союза концепция «нового политического мышления» могла означать возврат к здравому смыслу в решении международных вопросов, к принципам, заложенных в Уставе ООН. В ходе переговорного процесса в 1985 – 1991 гг. М. С. Горбачева и Р. Рейгана человечество было отодвинуто от угрозы ядерной катастрофы, произошло восстановление диалога на высшем уровне, введение двусторонних советско-американских отношений в нормальное русло. Было заключено большое количество договоров и соглашений в различных областях, в том числе Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД) (декабрь 1987 г.) (Договор между СССР и США о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности. Вашингтон. 8 декабря 1987 г., имеющий стратегическое значение. Переговорный процесс был продолжен и после прихода в Белый дом США Дж. Буша в 1989 г. Был заключен договор в области ограничения и сокращения стратегических наступательных вооружений – СНВ-1 (июль 1991 г.).

Однако «новое политическое мышление», по словам видного советского дипломата, первого заместителя министра иностранных дел СССР в 1977–1986 гг., Г. М. Корниенко, стало в концептуальном плане превращаться в нечто лишённое логики [2, с. 364]. Улучшение советско-американских отношений было достигнуто очень высокой ценой – путем односторонних уступок СССР Соединенным Штатам Америки. Уже в 1986 г. советская сторона согласилась с предложением американцев, чтобы военно-морские силы были выведены за рамки переговоров, зная, что основная часть ракетно-ядерных сил США была расположена на море, а на встрече в Рейкьявике в октябре 1986 г. с Р. Рейганом М. С. Горбачев согласился

вывести за рамки переговоров нацеленные на СССР ядерные средства Великобритании и Франции, а также американские ядерные средства передового базирования. Из высказываний соратника М. С. Горбачева, А. Н. Яковлева, следовало, что Генеральный секретарь ЦК КПСС дал устное согласие на предложения американского президента превратить Организацию Варшавского Договора и НАТО в политические. Это было сделано в ходе конфиденциальной беседы. Но если судить по последующим событиям, речь шла не о «политизации» противостоящих друг другу военных блоков, а об односторонней ликвидации ОВД. При заключении Договора по РСМД в 1987 г. по просьбе американской стороны М. С. Горбачев и его сторонники пошли на одностороннюю ликвидацию не подпадающих под договор ракет «Ока», а в соответствии с заявлениями советского лидера на Генеральной ассамблее ООН в 1988 г. – на одностороннее сокращение Вооруженных Сил СССР, оборонного бюджета страны, позже – на демонтаж двух радиолокационных станций системы предупреждения о ракетном нападении, передачу некоторой части акватории в Чукотском море американской стороне. При решении германской проблемы М. С. Горбачев и Э. А. Шеварднадзе согласились в 1990 г. на скорейшее объединение Германии на условиях ФРГ и США, включение ее в НАТО в обмен на кредиты и устное обещание не расширять границы Североатлантического блока на восток. Руководство СССР предоставило Соединенным Штатам Америки и их союзникам неограниченную свободу в использовании военной силы против Ирака в 1991 г., что выходило за рамки задач освобождения захваченного им Кувейта. Госсекретарь США Дж. Бейкер утверждал, что проводимые в СССР реформы с каждым днем приближают страну к черте, после которой нет возврата. Положительная реакция на действия М. С. Горбачева не требует того, чтобы пройти полпути ему навстречу: «он идет в нашу сторону, вот пусть и идет».

Все непродуманные действия советского руководства во внутренней и внешней политике, игнорирования им национально-государственных интересов во имя интересов «общечеловеческих» способствовали распаду СССР в декабре 1991 г. и привели к потере стратегических позиций страны в мире, не позволили окончить «холодную войну» без победителей и побежденных.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ